

Ответ «борцам с накипью и ржавчиной» в науке (послесловие к травле)

Это письмо вице-президент РАН Александр Некипелов направил в адрес «Новой газеты» и газеты «Поиск»

22 декабря 2009 г. газета «Троицкий вариант. Наука» опубликовала «научную рецензию» кандидата физико-математических наук, магистра экономики К. Сонины на мою книгу «Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзоныды» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве» (Москва, «Экономистъ», 2006).

Ранее я отказался дать свой комментарий «Троицкому варианту» одновременно с публикацией «рецензии», ссылаясь на анонимный характер присланного мне текста. Я обещал высказаться по этому поводу после выхода материала в свет. Сегодня очевидно, насколько правильным было это решение. Добавлю также, что я никогда не говорил, что давать ответ буду именно в этой газете.

Прежде всего должен отметить, что «борьба за чистоту в науке» в исполнении редакции «Троицкого варианта» сопровождалась постоянным враньем и жульническими передержками. Вот факты.

В начале декабря получил от заместителя главного редактора М. Гельфанда по электронной почте письмо, в котором он писал: «В редакцию поступила рецензия на Вашу монографию». В номере от 22 декабря, где материал был опубликован, редакция бесстрастно сообщает читателям, что рецензия была подготовлена по ее просьбе.

Там же говорится о том, что «этот материал планировался к публикации в предыдущем номере «ТрВ». Однако чтобы дать академику Некипелову время на ответ, мы отложили его. Мы переслали ему текст рецензии, сняв фамилию автора». Все очень трогательно, но только ничего не сказано по поводу того, что опубликован был, в сущности, совсем не тот текст, который был ранее прислан мне. Общее у них — одна таблица, да и та подверглась некоторой редакции (с обоими текстами можно познакомиться на сайте Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова: www.mse-msu.ru). Внимательный читатель без труда заметит, что часть текста, представлявшегося до публикации как составная часть рецензии, оказалась в конце концов включенной в редакционный комментарий. Удивительное единение автора рецензии и редакции, борющихся с таким позорным явлением, как плагиат!

Думаю, не только мне было бы интересно услышать от самих инициаторов обличительной кампании истинные мотивы заказа со стороны неспециализированного издания рецензии на книгу по общей экономической теории, вышедшую три с половиной (!) года назад. В присланном мне варианте «рецензии» были такие красноречивые слова: «Каков же научный уровень этой монографии, если ее оценивать по международным научным стандартам? Совсем недавно в интервью «Российской газете» от 23 октября 2009 г., рассуждая о нашей научной диаспоре, А. Некипелов заметил, что как потенциальные возвращенцы, так и не уехавшие ученые «должны

работать в России на совершенно равных условиях <...> чтобы не было никаких «особостей». Поэтому и мы решили посмотреть на его книгу без всякого предубеждения или почтения — как на работу обычного ученого». Но в опубликованной версии они исчезли. Уж слишком явной становилась подоплека инициированной «Троицким вариантом» кампании. Видимо, лихорадочное редактирование произвело на свет следующую гениальную фразу, теперь уже опубликованную от имени самой редакции: «Среди специалистов в математической экономике давно отмечалось сходство моделей, рассмотренных в недавно опубликованной монографии вице-президента РАН А.Д. Некипелова, с американскими учебниками 90-х годов». Кто эти «замечательные специалисты», которые, судя по цитате, еще до публикации книги сумели усмотреть в ней упомянутое сходство, редакция не разгласит и под пыткой. Потому как, я убежден, никто, кроме того же К. Сонины, за этой фразой не стоит.

Наконец, газета, по сути, спровоцировала публикацию клеветнического характера в журнале «Форбс», до того как сделала достоянием гласности собственные измышления. Со всей этой историей читатели могут познакомиться на сайте «Новой газеты», которая поместила мое открытое письмо главному редактору «Форбса». Там же выражено отношение к существу многих выдвинутых против меня обвинений.

Обозреватель «Полит.ру» и «Троицкого варианта» Н. Демина, принимавшая самое активное участие в подготовке компромата, решила дать на своем блоге идейное обоснование, мягко скажем, необычному поведению редакции и «рецензента»: «Хорошо академику (речь идет об академике В.М. Полтеровиче, подвергшем критике «рецензию» К. Сониной как не отвечающую этическим нормам. — А.Н.) говорить о научной этике в ситуации нормальной науки. А вы можете представить критическую рецензию на монографию российского академика социогуманитарного направления в российском научном журнале?». Ну зачем же так обижать своих коллег, работающих в специализированных научных журналах? Да ведь и К. Сонин не подавал свой опус ни в какой экономической журнал, а сразу бросился выполнять ваш заказ. И правильно сделал: его так называемую «рецензию» не опубликовал бы ни один уважающий себя научный журнал в России, и тем более за рубежом: столь грубо она нарушает давно устоявшиеся нормы элементарной научной этики.

На не привыкшего к научным триллерам ученого «рецензия», несомненно, произведет ошеломляющее впечатление. Необычно само ее начало — автор подробно информирует общественность о своих незаурядных достижениях в науке. Мне, честно говоря, никогда прежде не приходилось видеть, чтобы рецензия на чью-то книгу начиналась «с себя, любимого». Больше напоминает начало боксерского поединка.

Основная часть «рецензии» не оставляет сомнений, что перед нами образец высокого искусства. На ум приходит бессмертная комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Пришел Константин Исаакович, окинул взором туземную экономическую науку и ахнул: академики совсем от рук отбились, норовят заниматься не своим делом — экономической теорией. Щедро расставив «верные двойки», он берется учить автора монографии уму-разуму: «простая математическая модель является организующей частью текста, делая предположения явными, а логические переходы при доказательстве — прозрачными», «в книге попросту ничего нет», «рассуждения, которыми перемежаются заимствованные из учебников модели, не нуждаются ни в каких комментариях», «то, что написано между моделями, выглядит еще более печально: ни связи с формулами, ни элементарной информированности о том, что сделано в той области науки, о которой идет речь», «здесь же ничего нет нового», «работа такого уровня, что в то, что ее автор — академик РАН, просто невозможно верить» и т.д. и т.п.

Увесисто, что и говорить. Смущает одно: в научных рецензиях принято делать выводы после анализа текста, а не вместо него. Потому как иначе получаются вовсе не выводы, а ярлыки. Впрочем, надо же войти и в положение «маститого рецензента». Он уже думал, что справился с заданием редакции, пересчитав сноски в книге, скомпоновав их в таблицу и для пущей убедительности снабдив клеймом «перевод». И тут, я так полагаю, господин Гельфанд ему и говорит: ты знаешь, Некипелов сказал мне в телефонном разговоре, что монография вовсе не про математические модели, они якобы играют в ней абсолютно служебную роль. Ну не читать же после этого книгу! Ведь и так ясно, что ничего путного там быть не может. Надо поэтому сразу сформулировать выводы, да похлеще, чтобы ни у кого никаких сомнений не оставалось. Видимо, тогда и произошло кардинальное изменение текста рецензии, о котором я уже упоминал.

Справедливости ради, следует признать, что в одном (!) месте «рецензент» все же снизошел до упоминания конкретной идеи, содержащейся в монографии. Вот как это было: «Хотя там (в книге. — А.Н.) встречаются настоящие жемчужины: «Нам не известны работы, в которых среди самостоятельных функций денег упоминалась бы их способность выступать в качестве средства заимствования (инструмента предоставления кредита)». Дескать, судите сами о научном уровне автора: думает, что открыл Америку, сообщив, что кредиты предоставляются в денежной форме!

Но ведь нельзя же читать только первую фразу целого параграфа, посвященного этой проблеме. А ведь уже во втором абзаце говорится: «То, что деньги — удобный инструмент для обслуживания кредитных сделок, особых доказательств не требует. Проблема в другом: можем ли мы на данном этапе обнаружить предпосылки возникновения рынка кредитов, выявить закономерности его функционирования, а также определить его влияние на потребности экономики в деньгах?» (с. 138). Весь параграф, собственно говоря, и посвящен изучению этих вопросов. Вывод же сформулирован в заключении книги: «Подобно тому как деньги в качестве средства обращения опосредуют обычную торговлю товарами, деньги в качестве средства заимствования оказываются инструментом «трансвременного обмена». В рамках анализа данной функции и с учетом выводов из исследования проблемы максимизации Робинзоном полезности в течение нескольких временных отрезков удалось естественным образом ввести в систему категорий рыночной экономики понятие процентной ставки и построить модель ее формирования, отвечающую условиям рассматриваемого хозяйственного устройства» (с. 321). Что-нибудь сказал по существу по этому поводу «рецензент»? Нет, и не только по этому поводу. Одно ерничанье.

Особый вопрос — о замысле работы, ее границах и роли математических моделей в моем исследовании.

Толчок к написанию книги дало ощущение (кстати говоря, разделяемое многими известными учеными) глубокого кризиса, который переживает современная экономическая теория. Этот кризис — результат ее развития, разрушившего прежние более или менее целостные, но по сегодняшним меркам ограниченные представления об экономической системе. Выход из такого рода кризиса может быть только один — формирование новой целостной парадигмы, которая органично (не механически!) объединила бы важнейшие достижения, полученные на основе качественно различных, а иногда и просто противоречащих друг другу методологий.

Мой подход к решению этой проблемы связан с попыткой построения на аксиоматической основе «чистой экономической теории», которая давала бы «стереоскопическое» представление о сложившихся к настоящему времени экономических институтах. Сделать это, как мне кажется, можно только путем последовательного логического продвижения от наиболее простых к самым сложным современным формам организации хозяйственной жизни, прослеживая процесс постепенного вытеснения экономических институтов. Разумеется, такой подход предполагает не отбрасывание, а творческую переработку многого из того, что к настоящему времени сделано учеными-экономистами, принадлежащими к самым разным научным школам.

В книге реализована только первая часть этой программы: пройден путь от простейшей модели — «робинзонады» до самой простой модели рыночного хозяйства, основанного на индивидуальном труде (это отражено и в названии монографии). Впереди — «выведение» взаимосвязанных институтов наемного труда и капиталистической фирмы и проистекающих из этого изменений во всей экономической системе. Но это — впереди. А пока использовались только те математические модели и экономические концепции, которые позволяли решать стоявшие на первом этапе задачи. Поэтому с большим недоумением воспринимаю упреки в том, что в монографии не учтены последние достижения экономической науки. Если оппонентам представляется, что я здесь не прав, то следовало бы, на мой взгляд, заниматься не столько демонстрацией эрудиции в отношении выпущенных в последние годы в Соединенных Штатах учебников, сколько объяснением того, какие конкретно вопросы в рамках предмета книги могли бы быть решены с помощью упоминаемых ими теорий асимметричной информации, современных разновидностей теории фирмы, концепций «негативного отбора» (adverse selection), «моральных злоупотреблений» (moral hazard) и др. И не надо забывать при этом, что на данном уровне исследования нет еще ни фирм, ни страхования, ни фондовых рынков.

По этой же причине считаю несостоятельными замечания, в соответствии с которыми мне не следовало в сфере математического моделирования опираться на «устаревшие» учебники Д. Крепса и Е. Зильберберга. За два десятилетия, прошедших после выхода в свет этих высококотируемых и сейчас учебников (перевод учебника Д. Крепса, как я слышал, готовится выпустить на русском языке), те модели, которые я использую в книге, не претерпели абсолютно никаких изменений. С чисто методической стороны, касающейся способа презентации рассматриваемых моделей, меня лично эти учебники устраивают больше, чем другие, но это, разумеется, вопрос вкуса.

Кстати говоря, в монографии содержится немало ссылок и на оригинальные источники (в основном западного, но в некоторой степени и российского происхождения), которые имеют большее или меньшее отношение к проблемам, которые пытался решить автор. Но вот что забавно. Стоило мне при изложении ступеней доказательства (подчеркиваю: не самого доказательства, а его основных этапов) теоремы о возможности К. Эрроу сослаться на первоисточник, как «рецензент» возмутился: а где же ссылка на Е. Зильберберга?

Прекрасно понимаю, что реализованный в книге подход к построению чистой экономической теории является весьма дискуссионным, а для К. Сонины, занимающегося совершенно иными институциональными проблемами (вроде изучения влияния свободы прессы на права собственности), просто непонятным. Не вижу поэтому ничего плохого, если появятся желающие подвергнуть его критическому анализу с сугубо научных позиций. Но между научной критикой и разнузданным мордобоем, исповедуемым «рецензентом» К. Сониным, громадная дистанция. Здесь уже дело не в поиске научной истины, а в стремлении унижить и дискредитировать оппонента.

А о том, что такое стремление есть у формальных и реальных инициаторов всей этой неблагоприятной кампании, свидетельствуют проделываемые ими пируэты вокруг вопроса о наличии плагиата в моей монографии. Очень уж хочется убедить научное сообщество в том, что Некипелов «не только» плохой ученый, но еще и нечистоплотный человек.

Но найти плагиат никак не получается. Тогда начинаются разговоры о «крупных заимствованиях». Не случайно в предваряющем «рецензию» редакционном тексте говорится: «Хотя в большинстве случаев использование чужого материала сопровождается ссылками, объем заимствований таков, что ставит вопрос о самостоятельности монографии».

У читателей всячески пытаются создать впечатление, что основной объем рецензируемой монографии — это якобы никак не связанные друг с другом модели, заимствованные у Д. Крепса и Е. Зильберберга. Меня обвиняют в том, что я хоть и даю ссылки, но поступаю некорректно, якобы включая в свою работу без кавычек длинные «переводы» из упомянутых источников (см. правую колонку в таблице К. Сонины, пестрящую этим клеймом).

Все это не выдерживает никакой критики. Во-первых, плагиат и заимствования — это одно и то же; и то и другое означает присвоение чужих идей. Поэтому говорить, что в работе нет плагиата, а есть заимствования (да еще крупные) — это значит попросту морочить людям голову с целью заставить их поверить в то, что «что-то здесь нечисто». Во-вторых, автор любой научной работы опирается на достижения предшественников. Делать это он должен, разумеется, корректно, в соответствии с установившимися правилами. Эти правила просты: если вы прямо используете чей-то текст (перевод текста), то должны его закавычить и сделать соответствующую сноску. Если вы передаете смысл чьей-то идеи, то кавычки не нужны, но должно быть ясное указание, кем и где эта идея была выдвинута. Именно так я поступал при написании книги. Ответственно заявляю: никаких незакавыченных переводов в ней нет.

В.М. Полтерович в статье «Советы рецензенту» обратил внимание на совершенно одиозный случай использования К. Сониным клейма «перевод»: «Не стоит убеждать читателя в том, что страницы 232—272 рецензируемой монографии являются переводом страниц 164—174 английского учебника: при переводе одиннадцать страниц никак не могут превратиться в сорок одну». Но возьмем менее очевидный случай. Редакция «Троицкого варианта» в качестве собственного вклада в «теорию перевода» привела текст из книги Е. Зильберберга (с. 456—458) и текст из моей книги (с. 229—231) и сообщила читателям: «Если сравнить с. 229—231 с текстом американского экономиста, то нельзя заметить никаких отличий, кроме замены символа Е символом М и простой замены функции стоимости $c(Y)$ на $PC(Y)$ и графика на рисунке 6.1 («Выпуск в условиях определенности и неопределенности цен»)). И как вывод: «Все, что мы видим, это почти дословный перевод трех страниц из учебника Е. Зильберберга».

Любой человек, владеющий английским языком, может легко убедиться, сравнив приводимые тексты, что ни о каком переводе, то есть дословной передаче текста Е. Зильберберга говорить не приходится. Есть использование математической модели, содержащейся в этом учебнике и характеризующей принятие решений о масштабе выпуска в условиях неопределенности. Использование абсолютно корректное, сопровождающееся необходимым указанием на источник. Но что особенно любопытно, так это полное непонимание «помощниками рецензента из редакции» того, что я имел в виду, когда говорил о «различиях в категориальном аппарате». Суть дела заключается, конечно, не в замене

оператора E на M, а в том, что модель E. Зильберберга применяется для анализа упомянутого выше вопроса в иной институциональной реальности. Американский ученый исследовал влияние неопределенности на принятие капиталистической фирмой решения о масштабах выпуска, а я — на принятие решения о выпуске индивидуальным товаропроизводителем. Функция экономических издержек капиталистической фирмы и индивидуального производителя — качественно различные категории, так же как качественно отличается мотивация этих двух экономических агентов (экономическая прибыль — в первом случае, «трудовой доход» — во втором). Но для того чтобы это понимать, нужно было читать книгу, а не перелистывать ее, обращая внимание лишь на знакомые математические структуры.

В порядке информации. Монография не такая маленькая по объему — в ней 327 страниц, и математические модели занимают отнюдь не главное место. Вопреки утверждениям «рецензента» большинство из этих моделей пришлось адаптировать к предлагаемой новой парадигме экономической теории, хотя с математической точки зрения такая адаптация является рутинной и ставить ее себе в заслугу я не собирался и не собираюсь. Замысел работы и полученные в ней результаты, которые сам автор считает заслуживающими внимания, четко сформулированы, соответственно, во введении и заключении книги. Казалось бы, разбирайся и критикуй. Но до этого у «рецензента» и слившейся с ним в едином порыве редакции «Троицкого варианта» руки как-то не доходят. Весь пар уходит в наклеивание ярлыков и поиск изощренных методов унижения оппонента. Чего стоит название подборки материалов, открываемых «рецензией» на мою книгу — «Заемствования и плагиат. Накипь и ржавчина в науке». Или заглавие, которое дает К. Сонин «рецензии» в своем блоге: «Пародия на науку, или Наш «корчеватель». Или гнусные (а как еще это назвать?) инсинуации К. Сонины на его блоге на тему о том, являюсь ли я подлинным автором книги. Не знаю, правда, радоваться мне или печалиться такому повороту «творческой мысли» обличителя. Ведь нет авторства — нет и проблем с сониными.

Судя по заявлениям вошедшего во вкус «экономического Рэмбо», со всех сторон нашей необъятной страны ему идут письма солидарности и поддержки в связи с содеянным подвигом. Люди эти, правда, очень скромные и предпочитают поддерживать рецензента инкогнито. Есть также предположение, что все они боятся страшной мести Некипелова. Сам же Константин Исаакович, как и положено гению, всем этим даже несколько смущен: «Меня немножко удивляет, почему они считают мой поступок — согласие на публикацию отзыва под моим именем — чем-то мужественным. По части науки я пишу отзывы ровно всем, кто попросит, и на все, что меня попросят прочесть, — это часть профессиональных обязанностей».

Конечно, «все экономисты, которые прочитали книгу», полностью разделяют его оценки «казуса Некипелова». А те, кто не разделяет, сами понимаете, экономистами называться не могут. Да и какие они для К. Сонины экономисты — академики В.В. Ивантер и В.М. Полтерович, член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг, проф. А.Я. Рубинштейн, профессора Джеймс К. Гэлбрейт и М. Интрилигейтор (США), профессор Ж. Сапир (Франция)?

Кампания организована по всем правилам военного искусства. После ее начала призванные скомпрометировать меня материалы мгновенно помещаются в Википедию. В Живом журнале МГУ одним из выпускников РЭШ публикуются призывы рассмотреть вопрос о том, могут ли «такие люди, как Некипелов», возглавлять факультет в университете.

Если все это научная дискуссия по книге, посвященной самым общим вопросам экономической теории, то что же такое травля?

Александр Некипелов